

з теорій, можуть розглядатись як підстава для відмови від обох теорій. Зокрема, відмова від правила введення кон'юнкції в теорії суб-оцінювання та правила усунення диз'юнкції в теорії над-оцінювання є саме такими рисами. Однак, важливо враховувати, що, відкидаючи дані окремі паранесуперечливий та парাপовний підходи, ми не виключаємо інших варіантів цих підходів.

Наприклад, якщо модифікувати теорію суб-оцінювання для того, щоб відновити істинно-функціональність і, разом з нею, правило введення кон'юнкції, то ми отримаємо в результаті прийняття за істинні деяких суперечностей. Для того аби зберегти не тривіальність даної логіки, таким чином зберігаючи її паранесуперечливий характер, необхідно щоб:

$A, \neg A \neq B$

Однак тепер в логіці буде правильним наступне правило:

$A, \neg A / A \& \neg A$

Як наслідок, дана логіка повинна бути така, щоб:

$A \& \neg A \neq B$

Іншими словами, логіка повинна бути сильно паранесуперечливою, на противагу слабо паранесуперечливому характеру теорії суб-оцінювання.

Висновки. Паранесуперечливий підхід до явища неясності трактує невизначеність, породжену неясністю (невизначеність щодо застосування предикату до спірного випадку), як вид перевизначеності істини, яка спричинює появу пересичених оцінок. Паранесуперечливі описи неясності наявні в літературі з тих пір, як з'явилися сучасні формальні паранесуперечливі логік, але вони майже не привернули до себе уваги в сучасній літературі з проблеми неясності.

Однак, нехтування паранесуперечливими підходами є необґрунтованим, оскільки проста дуалізація нині популярної як кандидата на роль адекватної теорії неясності семантики над-оцінювання породжує паранесуперечливу логіку, що заснована на так званій логіці суб-оцінювання, і жодна з цих теорій не має формальних переваг над іншою. Тому не виправдано ігнорувати другу теорію, враховуючи статус першої як привілейованої теорії.

На основі розглянутого можна зробити висновок, що паранесуперечливий підхід до явища неясності заслуговує на увагу та подальшу розробку.

Бібліографічні посилання:

1. **Beall JC & Colyvan M.** Heaps of gluts and Hyde-ing the sorites // *Mind* 110 (2001): pp. 401-408
2. **Cobreros P.** Paraconsistent vagueness: a positive argument // *Synthese* (2010): pp. 211-227
3. **Fine K.** Vagueness, truth and logic // *Synthese*, 30 (1975): pp. 265-300
4. **Hyde D.** From heaps and gaps to heaps of gluts // *Mind* 106 (1997): pp. 641-660
5. **Hyde D.** A reply to Beall and Colyvan // *Mind* 110 (2001): pp. 409-411
6. **Hyde D.** Logics of Vagueness // *Handbook of the History of Logic: Vol. 8/Ed. By M. Gabbay and J. Woods.* – Amsterdam: Elsevier, 2007. – pp. 285-324
7. **Hyde D. & Colyvan M.** Paraconsistent Vagueness: Why not? // *Australian Journal of Logic* 6 (2008): pp. 107-121
8. **Jaskowski S.** Prepositional calculus for contradictory deductive systems // *Studia Logica* 24 (1969): pp. 143-157
9. **Keefe R.** Theories of Vagueness. – Cambridge: CUP, 2000. – 233p.
10. **Priest G.** Paraconsistency and Dialetheism // *Handbook of the History of Logic: Volume 8/ Ed. By M. Gabbay and J. Woods.* – Amsterdam: Elsevier, 2007. – pp. 129-204
11. **Sorensen R.** Vagueness // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / <http://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/vagueness/>
12. **Varzi A.** Paraconsistency and Supervaluationism // *Frontiers in Paraconsistent Logic* / Ed. by D. Batens, C. Mortensen, G. Priest, van Bendegem. – Baldock: Research Studies Press, 2000. – pp. 279-299
13. **Weber Z.** A paraconsistent model of vagueness. // *Mind* 119 (2010) : pp. 1025-1045
14. **Williamson T.** Vagueness. – London: Routledge, 1994. – 325p

УДК 130. 2:572. 028

Е. К. Скиба

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Розглянуто питання первинного компоненту формування гендерної ідентичності.

Ключові слова: наратив інфантильного розвитку, гендер, психоаналіз, сексуальність, суб'єкт.

Рассмотрен вопрос первичного компонента формирования гендерной идентичности.

Ключевые слова: наратив инфантильного развития, гендер, психоанализ, сексуальность, субъект.

The issue of the narrative of infantile development as the primary element of gender identity formation is examined.

Keywords: narrative of infantile development, gender, psychoanalytic theory, sexuality, subject.

Рассматривая вопрос о формировании гендерной идентичности, для обоснования гендерной слаженности действий психоанализ предлагает в качестве стабилизирующего компонента наратив инфантильного развития. В своей работе «Психоанализ и феминизм» Дж. Митчелл доказала, что гендерная идентичность более конструируется, чем предопределяется биологически [5, с. 377].

То, что наратив инфантильного развития конституируется, предполагает наличие первичной идентификации (объектной соотнесенности) или первичной репрессии в качестве вытеснения в бессознательное, которая конкретизирует гендерную специфичность и соответствующим образом информирует, организует и объединяет, унифицирует идентичность. Мы слышим «мальчик», «девочка» как тактическое дистанцирование от пространственного и временного размещения, которое выдвигает наративы до их мифического напряжения в материализовавшуюся историю. Хотя сторонники теории объектной соотнесенности предлагают альтернативную версию субъекта, основанную на рациональном отношении к характеристике феминного, сторонники психоанализа Лакана поддерживают идею нестабильности субъекта, основанную на разрушительном потенциале бессознательного в предполагаемых границах Эго. Они предлагают свою фабулу, свою сюжетную линию о гендерной восприимчивости, воздействующую на чувство завершенности как психологический процесс ощущения внутреннего удовлетворения наратива по поводу гендерного опыта и фальшивой, обманчивой стабильности категории «женщина». Принимая во внимание будь-то лингвистический или культурный закон, который представляет себя как неизбежный организующий принцип сексуального различия или как фальшивая идентичность посредством первичной идентификации, о которой говорит Эдипов комплекс, мы однозначно видим, что гендерные значения предписываются и, значит, ограничиваются в пределах наратива, который одновременно и объединяет некий легитимный сексуальный субъект, и исключает из возможности постижимости разумом этих сексуальных идентичностей и возможности прерывистости и разнообразия их опыта, т. е. бросает вызов наративу «истоков и итогов» – наративу инфантильного развития, предложенного этим же психоанализом.

Постулируя ли первичную бисексуальность Фрейда (Д. Митчел и Ж. Роуз) или опираясь на теорию объектной соотнесенности (Чодороу, Бенджамин), ученые говорят о конструировании дискретной (лишенной непрерывности) гендерной идентичности и дискурсивной локации в истории. Большинство феминистов-психоаналитиков поддерживают мнение, что гендер конструируется, и их взгляды, как и Фрейда, это своеобразное разоблачение претензий эссенциалистской фемининности или эссенциалистской маскулинности. Вспомним заявление Фрейда (например, в «Трех эссе по теории сексуальности»), что гетеросексуальность – это не данность биологической жизни, а следствие, эволюционное завершение его теории первичной бисексуальности [4, с. 7] и его последующее заявление, что стать женщиной это трудоемкая, утомительная конструкция, подавляющая первичную бисексуальность как исходное условие [3, с. 116].

Что касается гендерного развития, ученые предлагают воздействие: 1) утопического постулата первоначально преддифференцированного состояния секса, которое (2) также существует до постулата иерархии и (3) который рушится либо под внезапным и стремительным действием патриархатного закона (как заявляют сторонники Лакана), либо под предписанием Эдипа отвергнуть и обесценить мать (приверженцы теории объектной соотносительности). В таком случае первоначально недифференцированное состояние секса находится под воздействием дифференциации и иерархизации посредством наступления на него подавляющего закона. В своем «начале» сексуальность не имеет никаких элементов власти, затем власть начинает проявляться, дабы создать культурно релевантные сексуальные различия (гендер) и вместе с этим, как итог своего подавляющего воздействия, гендерную иерархию и доминирование [2,

Психоаналитическое описание гендерной идентичности представляет ложное чувство легитимности и универсальности культурно специфической и, в некотором смысле, культурно подавляющей версии гендерной идентичности. Заявляется, что некоторые идентичности первичны по отношению к другим, что эффективная ассимиляция идентичностей с первичной идентичностью проходит сложный путь, результатом чего выступает так называемое единство идентичностей. В пределах теории объектной соотнесенности идентичности «мать-дочка» «выплавляется», «создается», а идентификации «девочка-брат» и «девочка-отец» легче ассимилируются с уже строго установленной идентификацией с женщинами. Без признания упорядоченного временного развития идентификаций, в котором первые идентификации служат для объединений всех последующих, мы не сможем объяснить, во что ассимилировались конкретные идентификации. Другими словами, мы утратим объединяющую нить нарратива. Конечно, важно отметить, что первичные идентификации учреждают гендер в субстантивном, содержательном модуле, а вторичные идентификации таким образом служат атрибутами, определениями. Мы становимся свидетелями дискурсивного появления «феминного мужчины» или «маскулинной женщины». Без установления временной приоритизации первичных идентификаций было бы не ясно, какая характеристика служила в качестве первичной, субстантивной, а какая – в качестве атрибутивной и в каком случае то или иное временное упорядочивание было бы оспариваемо. Мы бы имели гендерный эквивалент взаимосвязи атрибутов без объединения субстанции, его содержания.

Первичная идентификация – та в которой гендер становится «фиксированной» формой в истории идентификаций, где вторичные идентификации пересматривают и реформируют первичные, но не оспаривают их структурную первичность. Формируются гендерные идентичности, и сексуальные желания смещаются и варьируются, так что различные «идентификации» вступают в действие в зависимости от доступности легитимных культурных норм и возможностей. Не всегда возможно соотнести эти сдвиги назад так, чтобы выяснить связь внезапно заявленных в социуме идентификаций с первичными идентификациями. В пределах психоанализа, как считают ученые, необходимо понять гендерную субъективность как историю идентификаций, часть из которых является закодированными ограничениями истории и которые в силу их подавления регулятивными культурными нормами, существующими в это время и в этой культуре, не всегда могут отослать нас к их внутренней обоснованности, логичности появления.

Конечно, важно видеть разницу в подходах между психоаналитической и нарративной теориями. В пределах психоаналитического литературного критицизма и в пределах феминистского психоаналитического критицизма, в частности, деятельность бессознательного делает всякую нарративную связь подозрительной. Защитники этой позиции ведут спор о том, что нарративная способность серьезно подрывается, расшатывается. Таким подрывающим вопросом является проблема о том, что именно должно быть обязательно исключено или репрессировано в заявленном тексте и какое серьезное усилие необходимо, чтобы признать, что бессознательное (заявленное ли в терминах репрессивного набора импульсов (Кристева) или как исключенное поле метонимических ассоциаций (Роуз)) разрушает и подвергает инверсии и переворачивает линейное допущение последовательно согласованной нарративности в тексте. В этом смысле, текст всегда преступает пределы нарратива. Подобно полю исключенных значений, он возвращается постоянно в контекст и разрушает эксплицитно неудавшуюся нарративную согласованность текста.

Многозначность нарративной позиции в пределах литературного текста соответствует внутренне фрагментированной психике, которая может достичь не окончательного, но интегрированного понимания его составляющих частей. Литературная работа предлагает текстуальные инструменты применения топографической модели разума в движении, предложенной Фрейдом. Мы видим, что идентичность не в состоянии рассчитывать на саму себя как нарратив. Будучи субъектом для феминистской цели, дабы делимитировать и определить обозначенную феминность, нарратив пытается конструировать согласованный феминистский субъект. Как результат, психоанализ как феминистская метатеория репродуцирует ложную согласованность в форме сюжетной линии про инфантильное развитие, где оно должно изучать генеалогию исключаящих практик, занимающихся формированием конкретных нарративов формирования идентичности [2, с. 103].

Роуз, Митчел и другие приверженцы Лакана настаивают, что идентичность всегда нестабильна. Однако они, фиксируя термины этой нестабильности, отмечают, что патриархатные законы культурно инвариантны. Результатом этого явился нарратизированный миф об истоках, где первичная бисексуальность с трудом представлена как гетеросексуальность

через непреодолимую силу закона.

Д. Митчел подчеркивает, что можно пребывать не только в одном или другом типе сексуальных отношений, но и в обоих одновременно. Но бинарная дизъюнкция – логическое сложение – имплицитно по отношению к этому гендерному закону о непротиворечивости и предполагает, что в этом случае, возможно, включается работа функции желания с учетом гендерного различия, основанного на уровне символа и репрессирующего бессознательную множественность позиций. Кристева высказывается подобным образом, отмечая, что требование интеллигибельной (постижимой умом) культуры предполагает, что женская гомосексуальность является противоречием, которое не согласуется никоим образом с тем, что эта культура манифестирует. Единственно интеллигибельно женская гомосексуальность, допускаемая Кристевой, – это недозволенная кровосмесительная любовь между матерью и дочерью, которая может быть решена посредством реализации материнской идентификации через сам процесс материнства в его буквальном смысле слова [1, с. 108].

Согласно психоаналитической теории гендерная идентичность и сексуальная ориентация существуют одновременно. Хотя история сексуального развития девочек более сложная, чем мальчиков, и эти истории сильно разнятся, в обоих контекстах присутствует некто, кто идентифицируется как определенный пол и, продолжая этому следовать, он желает другого, это желание является развитием, тщательной разработкой этой идентичности, модулем, по которому он создает свою противоположность и определяет самого себя в этой оппозиции. А как насчет первичной бисексуальности, источника нарушения и разрыва, которую Роуз определяет как разрушающий потенциал бессознательного? Тщательное изучение точного значения бисексуальности, выработанного Фрейдом, однако, оказывается неким видом бисексуальности, связанным с половым желанием. Другими словами, в каждой психике есть мужское и женское половые влечения, которые направлены гетеросексуально к противоположному полу. Когда бисексуальность освобождена от теоретических усложнений теории стимулов, она упрощается до полного согласия и совпадения гетеросексуальных желаний, где каждый осуществляет действия, нацеленные на противоположную идентификацию или диспозицию так, что желание, строго говоря, может исходить только от личности мужской идентификации к женщине как объекту или от личности женской идентификации к мужчине как объекту. На самом деле, это может быть и женщина мужской идентичности, которая желает другую женщину, или мужчина женской идентичности, желающий другого мужчину. Это может быть также женщина мужской идентичности, которая стремится к мужчине женской идентичности или мужчина женской идентичности, стремящийся к женщине мужской идентичности. Только подобные отношения возможны, подчеркивает Фрейд [2, с. 173].

Но всегда ли идентичность ограничена бинарным разделением? В соответствии с психоаналитической теорией, другой набор возможных идентификаций работает не для того, чтобы консолидировать идентичность, а для того, чтобы осуществить взаимодействие и ниспровержение рекомбинации гендерных значений. Считается, что идентификации существуют во взаимно исключающих бинарных матрицах, обусловленных культурной необходимостью оккупирования одной позиции и исключения другой.

Но в фантазии разнообразие позиций может быть внедрено даже если они не конституируют культурно интеллигибельные возможности. Для Кристевой, например, семиотически конструированы только те наборы бессознательных фантазий и желаний, которые преступают легитимные отношения патриархатно организованной культуры. Семиотическая область определения, как выражение и проявление тела языковыми средствами, становится средством транскрипции бессознательного из топографической модели в структуралистский дискурс [1, с. 106].

Напряженность идентичности, как отмечает Батлер, находит свое выражение в пролиферации, распространении фантазий, преступающих меру и содержание самого понятия «идентичность», при этом фантазии и формируют сам смысл идентичности. Но вопрос заключается в том, являются ли идентичность личности и фантазии личности взаимоисключающими явлениями? В соответствии с распространенным мнением о взаимоисключающих бинарных матрицах в идентификации, внедренном в психоаналитическую теорию, выходит, что идентичность и идентификация личности формируются фантазиями личности.

В своей работе «Новый язык психоанализа» Рой Шафер высказывает мнение, что когда идентификации понимаются как интернализации, т. е. процесс освоения внешних структур, в результате которого идентификации становятся внутренними регуляторами, то эти термины используются для усиления образности, для выражения внутреннего психического пространства. Далее, он подчеркивает, что интернализация понимается им больше не как процесс, но как фантазия [6, с. 177].

Как результат, невозможно объяснить какое-либо онтологическое значение, соотнести с внутренним качеством или состоянием интернализации, ибо они – плод фантазии и представляются как внутренние качества. Д. Батлер подхватывает эту идею, утверждая, что эти фантазии внутреннего психического пространства обуславливаются эссенциально и опосредуются языком, который регулярно рассчитывает внутреннее психическое размещение. Таким образом, язык не только производит эту фантазию, но затем переписывает, переделывает, придает новые формы и контуры в пределах некритически воспринятого топографического дискурса. Фантазии сами по себе часто представляются как ментальное содержание чего-то, проектируемое на внутренний экран, некая концепция, обусловленная кинематографической метафорой психики. Однако идентификация – это не просто чистая фантазия внутренне расположенных объектов или фигур, они все находятся в видоизмененных, метаморфозных отношениях с тем конкретным объектом, который они нацелены интернализировать.

Другими словами, согласно психоаналитической теории, идентичность с учетом опыта прошлого является фигурой, которая логично обосновывается, проявляется в пределах конфигурации внутреннего психического пространства. Идентификация никогда не является просто мимикрией, но предполагает следование стратегии стремления к выполнению. Устанавливается тождество не с эмпирической личностью, а с фантазией, например, мать хотела бы иметь или отец мечтал бы иметь желаемое тождество с моделью родителей или братьев, сестер, которые имеют видимое, явное для всех объединяющее сходство, или с кем-то из воображаемых личностей. Мы принимаем на себя определенную идентификацию не только, чтобы получить любовь, признание, но также и для того, чтобы избежать той или иной опасности. Мы также принимаем идентификацию для того, чтобы поощрять или запрещать наши собственные желания. В каждом случае идентификации присутствует интерпретация в работе с желаниями, страхами, запретами, поощрениями.

Библиографические ссылки:

1. **Butler J.** The Body Politics of Julia Kristeva / Judith Butler // Journal of Feminist Philosophy. - NY : Hypatia, 1996. - Vol. 3, № 3. - P. 104- 108.
2. **Butler J.** The Gender Trouble / Judith Butler. - Routledge: 2006. - 272 p.
3. **Freud S.** Femininity / Sigmund Freud // New Introductory Lectures. - NY: Norton, 1960. - P. 116.
4. **Freud S.** Three Essays on the Theory / Sigmund Freud. - NY: Basic Book, 1975. - P. 7.
5. **Mitchell J.** Psycho-analysis and Feminism / Julia Mitchell. - NY: Vintage, 1975. - 477 p.
6. **Schafer R.** A New Language of Psychoanalysis / Roy Schafer. - New Haven: Yale University Press, 1976. - P. 177.

УДК 164. 01

К. В. Райхерт

Одеський національний університет імені І. І. Мечникова

ЯЗЫК ТЕРНАРНОГО ОПИСАНИЯ КАК ДЕВИАНТНАЯ ЛОГИКА (ПО КЛАССИФИКАЦИИ С. ХААК)

А. І. Уйомов розглядає мову тернарного опису як альтернативу класичної логіки та на цій підставі кваліфікує її як девіантну логіку. Проте на предмет приналежності мови тернарного опису до девіантних логік за класифікацією С. Хаак, яка першою запропонувала ділити логіки на класичні, розширені класичні та девіантні, вона ніколи не досліджувалася. Показується, що мова тернарного опису є прагматичною локально реформуючою Девіантною логікою за класифікацією С. Хаак.

Ключові слова: мова тернарного опису, девіантна логіка, квазі-девіантна логіка, класична логіка, розширена логіка.

А. И. Уёмов рассматривает язык тернарного описания как альтернативу классической логики и на основании этого квалифицирует его как девиантную логику. Однако на предмет принадлежности языка тернарного описания к девиантным логикам по классификации логик С. Хаак, которая первой предложила делить логики на классические, расширенные классические и девиантные, он никогда не исследовался. Показывается, что язык тернарного описания является прагматической локально реформирующей Девиантной логикой по